

© 2023 г.

И.А. ШМЕРЛИНА

РУССКАЯ СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. В статье проблематизируется отнесение русской субъективной школы в версиях П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского к социологической традиции в строгом смысле слова. Специфические особенности этой школы определены не познавательными, а практическими преобразовательными целями, связанными с борьбой за социальную справедливость и за радикальное изменение существующего строя. Проводится сопоставление русской субъективной школы с современным направлением публичной социологии, показаны близость и расхождение этих двух традиций. По мнению автора, русская субъективная школа отвечает не только характерным чертам публичной социологии, но и особенностям «критической социологии» в её понимании М. Буравым, предстающей в качестве рефлексии над методологическими и ценностными основаниями и как альтернативной господствующей «профессиональной социологии». Феномен русской субъективной школы может быть понят как социально-этическое учение, он отражает магистральное развитие социального знания – от социально-философских построений, акцентирующих моменты должного и желательного, к собственно научным социологическим концепциям.

Ключевые слова: русская субъективная школа • П.Л. Лавров • Н.К. Михайловский • этос науки • публичная социология • критическая социология • социально-этическое учение

DOI: 10.31857/S013216250022087-8

В социологическом сообществе сформировалось устойчивое и небезосновательное представление о недостатке оригинальности русской социологии в целом, как в основном заимствующей и перерабатывающей западные идеи и концепции. Едва ли не единственное исключение из этого обобщающего суждения делается для субъективной школы, в которой многие видят подлинно самобытное направление отечественной социологической мысли¹. Однако, и в этом состоит центральный тезис настоящей статьи, в феномене русской субъективной школы (особенно в версиях П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского как основателей и наиболее аутентичных ее представителей) правильнее было бы видеть не столько социологический, сколько некий иной способ социальной рефлексии.

Русская субъективная школа (этико-социологическая по терминологии, предложенной С.Н. Южаковым и принятой Н.И. Кареевым [Кареев, 1996: 39]), она же

¹ Это мнение идет, по всей видимости, от Ю. Геккера, который назвал «субъективистскую школу» (“the subjectivist school”) наиболее значительной из всех социологических школ, возникших на волне пробуждения общества от «мертвящего деспотизма» Николая I и стремления к «перестройке общества» «на позитивных научных принципах» [Hecker, 1915: 35–36].

этико-субъективная, этико-психологическая, иногда просто русская социологическая школа, в авторском варианте А.Н. Медушевского – «народническая социология»/«социология народничества» [Медушевский, 2015: 161], изучена хорошо и основательно, что избавляет нас от ее детального описания и позволяет сразу перейти к обобщению и проблематизации.

Будучи в познавательном плане интеллектуальным откликом на движение западной социальной мысли, в ценностно-мировоззренческом отношении субъективная школа направлялась не столько эпистемологическими, сколько социально-реформаторскими интенциями² (что было подмечено уже Геккером, который подчеркивал, что русская социология может быть понята только с учетом ее социально-политического контекста [Hecker, 1915: 19])³. Этим контекстом хорошо объясняются такие характерные черты субъективной школы, как этическая доминанта (по сути, разрушающая позитивистскую ориентацию⁴, в силу чего, по замечанию В.В. Зеньковского, представители этой школы были скорее «полупозитивистами» [Зеньковский, 2001]), публицистичность, субъектоцентричность, психологизм и волюнтаризм. В самом деле, исходя из задач социального переустройства общества, невозможно удержаться в горизонте вне- или надличностной методологической перспективы; практические задачи требуют *актора* – и он появляется в субъективной социологии в лице «критически мыслящей личности» или «героя». Но в таком случае уместно поставить вопрос: можно ли вообще рассматривать эту школу как научно-социологическую?

Очевидно, что базовые познавательные установки этой школы явно противоречат нормам научного этоса, предполагающим «свободу от оценки» (М. Вебер) или, в более поздней формулировке этого принципа, «эмоциональную нейтральность», которой Б. Барбер дополнил мертоновскую схему [Мирская, 2005: 13]. Впрочем, субъективную школу вообще не очень корректно рассматривать в рамках мертоновской модели, поскольку императивы Р. Мертона обращены к *социальному институту науки*, а субъективная школа позиционируется ее основателями не как автономный социальный институт, но как духовно-нравственная деятельность, нацеленная на общественные преобразования. В этом плане она напоминает скорее публичную социологию.

Рассмотрение субъективной школы в контексте предложенных М. Буравым идеальных типов социологического знания кажется релевантным и едва ли не лежащим на поверхности аналитическим ракурсом. И публичная социология, и субъективная школа представляют собой эксплицированное выражение самого «социологического духа», неразрывно связанного с «диалектикой прогресса» и выступающего «моральным стимулом» работы в профессии, будь то «страсть к общественной справедливости, экономическому равенству, правам человека, устойчивой окружающей среде, политической свободе или просто к лучшему миропорядку» [Буравой, 2008: 10]. Именно этот дух стимулировал как

² Показательны в этом отношении сочинения П.Л. Лаврова, посвященные биологическим основам социальности (в частности, «Цивилизация и дикие племена» [Лавров, 1904] и «До человека» [Лавров, 1870]). Внимательное чтение этих работ убеждает, что в исследовательском плане данный сюжет интересует П.Л. Лаврова мало (его положительное изложение сводится к огромным, многостраничным цитатам из В. Вундта), но нужен ему для фундирования идеи критически мыслящей личности и призыва к соотечественникам подняться над «зоологическим» уровнем существования (см.: [Шмерлина, 2018]). В свою очередь, как заметил С.Л. Франк, «наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции» [Франк, 1910: 223].

³ Близкую мысль проводил Б.А. Кистяковский, писавший, что «содержание ...идеалов <русской субъективной школы> и понимание ею смысла социального процесса были даны ей целиком самим общественным движением 70-х годов и русской жизнью», при этом научное значение субъективной школы Кистяковский оценивал низко: «Даже как-то не верится, что такое грандиозное движение практического свойства, имевшее такие героические проявления в жизни, получило столь жалкое выражение в социологических теориях» [Кистяковский, 1902: 340].

⁴ «Этицизм мысли разбивает рамки позитивизма» [Зеньковский, 2001: 360].

раннюю американскую социологию, задавая соответствующие «этические перспективы» [Гуревич, 1998: 169], так и развитие социологии в России. Как подчеркивает Буравой, «социология (по крайней мере в пределах некоторых национальных историко-культурных традиций. – И.Ш.) была публичной по своему происхождению» [Буравой, 2008: 36–37]. Российская историко-научная ситуация весьма точно воспроизводит эту траекторию.

Доминирование этической интенции над исследовательской, ориентация на идеалы социальной справедливости, имплицитно заложенный нормативный подход, отдающий приоритет должному перед сущим, – весь этот ценностно-мотивационный комплекс, безусловно, сближает публичную социологию и субъективную школу и является первой общей чертой названных традиций.

В качестве второй общей черты, которая скорее представляет собой обобщенную и менее пафосную версию предыдущей, следует назвать критически заряженную ориентацию на актуальные общественные проблемы. Некоторые социологи, подчеркивая эту особенность, квалифицируют публичную социологию как *актуальную*⁵, и такая характеристика, безусловно, приложима и к субъективной школе.

Впрочем, уже здесь можно увидеть существенное различие между рассматриваемыми направлениями. Публичная социология озабочена решением конкретных проблем общества, вовлечена «в дела и проблемы различных социальных групп, актуальные общественные вопросы» [Буравой, 2008: 39], но не посягает на политическую стабильность. Социально-реформаторский горизонт субъективной школы, обобщенный и размытый, мыслится как радикальный слом социального мира, пропитанного угнетением и несправедливостью, как «борьба против отживающих общественных форм», «за прогресс» и «нравственную идею», за то, чтобы «уменьшить зло в настоящем и будущем» [Лавров, 1965в: 148; 86].

Как бы то ни было, выраженный критический пафос сближает рассматриваемые традиции. И та и другая могут быть названы *критическими социологиями* (в традиционном значении данного понятия), возникшими на почве неприятия существующего положения вещей и ориентации на общественные изменения, на те или иные *действия* по улучшению общества.

Акционистский потенциал публичной и субъективной социологий является их третьей общей чертой. «Публичная социология требует действия» (см. бюллетень: Общественный вердикт. 2015. № 1. С. 4), это кредо данного направления. Стоит вспомнить общественный резонанс, который вызвали «Исторические письма» Лаврова, чтобы признать уместность проводимых нами сопоставлений⁶. Здесь вновь стоит обратить внимание на отличия в характере и масштабах той деятельности, к которой призывают рассматриваемые направления. Публичная социология призвана выстроить общественный диалог в цивилизованных формах (предполагая при этом общение не напрямую с властью, а с гражданским обществом⁷). Субъективная школа закладывала ценностно-нравственные основы глубоких общественных потрясений, будь то народная революция, убийство тирана или героическая смерть во имя общественных идеалов. Определяющим здесь является именно тот социально-политический контекст, о котором писал Геккер, – демократический

⁵ С. 58. Алексеев А.Н. Что такое публичная социология? URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_public.html (дата обращения: 13.08.2022).

⁶ Как пишет Зеньковский, «“Исторические письма” ...имели (неожиданное для самого Лаврова) громадное влияние на радикальную русскую молодежь»; «для ряда поколений они были своего рода Евангелием» [Зеньковский, 2001: 340–341]. С.А. Левицкий приводит показательные в этом отношении свидетельства Н. Русанова: «Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное “Историческими письмами”. Многие из нас, юноши в то время, другие – просто мальчики, не расставались с небольшой истрепанной, зачитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жаждой жить для благородных идей и умереть за них» (цит. по: [Левицкий, 1996]).

⁷ «Публичная социология ...реализует диалогические отношения между социологом и обществом, в которых повестка каждой из сторон вынесена на стол переговоров» [Буравой, 2008: 18].

(только в нем, подчеркивал Буравой, и возможна публичная социология) или автократический, провоцирующий насильственный режим коммуникации с властью.

Любопытно, впрочем, что ни публичная социология, ни субъективная школа не предполагают непосредственного участия социолога в общественно-политических процессах⁸, и это можно выделить в качестве еще одной их общей черты. При том, что публичная социология, особенно в ее «органической» версии (см.: [Буравой, 2008: 15]), несомненно, тяготеет к политическому акционизму (за что часто критикуется), ее задачи, как они сформулированы Буравым, состоят в организации диалога не с обществом как таковым, а «с группами общественности, т.е. людьми, которые сами вовлечены в диалог. Таким образом, предполагается двойной диалог» [Буравой, 2008: 14].

Субъективная школа не формулирует на этот счет никаких принципов. Стоит заметить, что Лавров, по свидетельствам Кареева и Зеньковского, был кабинетным ученым и в революционное движение оказался втянут едва ли не помимо своей воли [Кареев, 1996: 45–46; Зеньковский, 2001: 340–341]. Столь же неоднозначно отношение Михайловского к практике революционного движения, при этом очевидно, что непосредственного участия он в ней не принимал.

Несмотря на очевидность обозначенных параллелей, по самой своей сути сопоставление субъективной школы и публичной социологии не кажется нам вполне корректным, и дело здесь не в показанных выше нюансах. Публичная социология может считаться исторически предшествующей профессиональной социологии в виде комплекса базовых морально-ценностных интенций, однако называть ее собственно социологией допустимо только при наличии последней в строгом значении этого слова, то есть как социальной науки (в связи с этим обратим внимание на реплику Буравого, прозвучавшую во время дискуссии 2007 г.: «Россия сейчас не готова для публичной социологии в силу того, что профессиональная социология еще слаба» [Буравой, 2007: 23]). Публичная социология должна опираться на развитое научное знание об обществе, только в этом случае она может эффективно формировать общественную повестку дня, ставить перед обществом актуальные задачи, отвечающие не только общественным идеалам, но и исследовательски выверенному пониманию особенностей протекания социальных процессов. В противном случае социология (еще не ставшая таковой) может предложить обществу лишь утопический проект, что и провозгласила субъективная школа, сознательно сделавшая ставку на утопию как основу своих теоретических построений («Социология должна начать с некоторой утопии» [Михайловский, 1881: 155]).

Более точным, хотя и менее очевидным, было бы, на наш взгляд, сопоставление субъективной школы с критической социологией в версии Буравого. Напомним, что в предложенной Буравым модели четырех типов социологического знания (профессионального, критического, прикладного/заказного и публичного) критическая социология выполняет рефлексивную функцию по отношению к профессиональному знанию, выясняя методологические и ценностные основания используемых исследовательских моделей. Она есть размышление о природе изучаемого феномена и соответствующих гносеологических возможностях, об адекватности и силе используемых теоретических моделей и исследовательских методик и о конечных смыслах, легитимирующих сам познавательный процесс («то, ради чего теория создается» [Гуревич, 1998: 169]; именно поэтому «Критическая социология – это совесть профессиональной социологии» [Буравой, 2008: 20]).

Такого рода рефлексия не просто присутствует, но составляет сердцевину субъективной школы, гносеологическая проблематика которой определена сопоставлением «области

⁸ «...роль публичного социолога не подменяет ролей политического или общественного деятеля и даже публициста-интеллектуала. Миссия социолога, вторгающегося в публичную сферу, заключается не в практических действиях как таковых, но скорее в адекватной научной экспертизе их многочисленных вариаций, шансов, перспектив и последствий» (Подвойский Д.Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат (2010). URL: https://polit.ru/article/2010/04/08/rodvoysky_pub_soc/, 2010 (дата обращения: 13.08.2022)).

теоретического *познания* с областью *нравственного сознания*» [Лавров, 1965в: 148]. Эта дилемма формулируется открыто и остро, «ребром» – как, например, в следующем рассуждении Михайловского: «Надеюсь, что читатель признает за мной одну заслугу: я не только не стараюсь замазать предстоящие мне трудности, а напротив ставлю их ...ребром. Спрашивается – как же может быть построена социология? Как и всякая другая наука, как и наука вообще, она должна удовлетворять только потребности познания; потребность познания удовлетворяется только истиной; а между тем социология имеет дело не только с категориями истинного и ложного, а и с совершенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного. Как тут быть?» [Михайловский, 1881: 145].

Ответ на этот вопрос, предполагающий подчинение исследовательской логики этическому императиву⁹, ставит субъективную школу на недостижимую для науки нравственную высоту.

Фактически в рамках того, что в истории социогуманитарной мысли маркируется как «субъективная социология», утверждался некий иной способ социальной рефлексии, принципиально отличающийся от научно-социологического, сконструированный не столько на научно-познавательной, сколько на ценностно-практической доминанте социального переустройства жизни. Именно в этой практической, реформаторско-революционной направленности находится центр тяжести «субъективного метода», который, как точно замечает Г.Е. Зборовский, никогда не был представителями субъективной школы сформулирован со всей отчетливостью (см.: [Зборовский, 2014: 173] – в силу, по-видимому, того, что логическому обоснованию этот метод поддается с трудом, а нравственная значимость его несомненна.

В поисках более адекватного термина для обозначения того альтернативного способа социальной рефлексии, что нашел воплощение в русской субъективной школе, мы, корректируя формулу Южакова–Кареева, назвали бы ее *социально-этическим учением*, представляющим собой переходное явление от социальной мысли к социологической теории.

Вопрос о соотношении разных форматов бытования социального знания многократно и достаточно плодотворно обсуждался в том числе в отечественной литературе [Давыдов, 2002; Гофман, 2003; Зборовский, 2012; Каменский, 2011; Логиновский, 2014]. Мы ориентируемся на схему А. Боскова [Босков, 1961], который дифференцировал общественную (социальную) мысль, социальную теорию и социологическую теорию по критерию должностования. Первую он соотносил с социальной философией, направленной на «этические цели» и представляющей собой, «по существу, ...проповедничество», а во второй видел «*переходную фазу*» к собственно социологической теории, когда «социальные явления рассматриваются с какой-то степенью объективности... В этом смысле социальная теория преследует научные цели, в то время как социальная философия оценивает и указывает пути социального поведения в будущем». Впрочем, тонко замечает Босков, «на практике... эти задачи часто смешивают, поскольку каждая служит удовлетворению настоятельной нужды человека размышлять об его отношении с другими» [там же: 16–17].

Эта модель как нельзя лучше ложится на специфический профиль субъективной школы. Примечательна в этом отношении оценка русской субъективной школы А.С. Лаппо-Данилевским¹⁰, который подчеркнул ее *переходный* характер, а именно – содержащийся

⁹ «Потребность, нравственного суда» становится не «рядом с потребностью познания» [Михайловский, 1881: 143], а над ней (как пишет сам Михайловский чуть ранее, «желаю я все-таки не истинного, а полезного и справедливого» [Михайловский, 1881: 141]); четко расставлены приоритеты в следующем фрагменте из работы Лаврова: «Во имя нравственного чувства, признанного вообще высшим началом в человеке, оказывается обязательным разобрать законы усвоения истины, т.е. построить научную логику...» [Лавров, 1965б: 627].

¹⁰ Любопытно заметить, что в научно-методических разработках А.С. Лаппо-Данилевского по истории социологии рассмотрение русской социологической школы ограничивается учениями П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского (см.: [Малинов, 2017: 124]). Другие направления отечественной социальной мысли, помимо данной школы, Лаппо-Данилевский не признавал.

в ней «переход от феноменологического построения социологии к построению гносеологическому, ...поскольку она с теоретико-познавательной точки зрения ...пыталась выяснить некоторые свойства познающего субъекта...» (цит. по: [Малинов, 2016: 18]). При этом Лаппо-Данилевский критиковал русскую субъективную школу за смешивание «теоретико-познавательной точки зрения» с (1) психологической (особенно выделяя здесь Михайловского) и (2) этической [Малинов, 2016: 18; 23].

Развивая оценки Лаппо-Данилевского, стоит отметить, что субъективная школа действительно уделяла большое внимание гносеологическому вопросу, что отражает стремление ее авторов к научно-социологическим построениям и составляет, как нам видится, наиболее любопытную и парадоксальную ее черту. Именно отсюда появляется «субъективный метод», который самой своей постановкой провозглашается как гносеологический принцип, но, по сути, он представляет собой химерический конструкт, в котором место гносеологии замещается этикой и отчасти психологией.

Названное замещение составляет существо антропологизма Лаврова и персонализма Михайловского. Этот процесс можно пошагово проследить на трех «антропологических принципах» философской системы Лаврова. «Первый антропологический принцип» представляет собой феноменологическую установку, согласно которой мир во всех своих проявлениях дан человеку исключительно в продуктах его сознания (в связи с чем принципиально неустранима гносеологическая ловушка солипсизма [Лавров, 1965а: 480]). Сама по себе феноменологическая установка, однако, отнюдь не равнозначна солипсизму¹¹, она допускает признание объективности внешнего мира и познаваемости его, что и фиксирует Лавров во «втором антропологическом принципе» своей философии [Лавров, 1965а: 480]. «Третий антропологический принцип», формулируемый как «принцип скептицизма» (а именно – «процесс сознания не дает возможности решить, есть ли он сам как действительный процесс результат реального бытия, или реальное бытие есть его продукт» [Лавров, 1965а: 482; 695]), может быть соотнесен с гуссерлевским эпохэ, однако ведет не к дальнейшему погружению в глубины метафизики, как у Гуссерля, а, напротив, к отказу от метафизики и обращению к «практической философии».

Впрочем, прежде чем перейти к последней, Лавров формулирует вытекающее из «принципа скептицизма» фундаментальное разделение «теоретической философии» на «философию природы» и «философию духа» [Лавров, 1965а: 482]¹². В то время как первая постулирует «реальность внешнего мира», вторая исходит из кантианской гносеологии «построения мира по законам мышления», благодаря чему «человек может себя мыслить как источник внешнего мира» [там же: 483–484]. Однако Лаврова интересуют не способы, посредством которых человек реализует свои конструктивистские в отношении внешнего мира потенции, а свобода, которая ему этим принципом возвращается. Это – проблематика «практической философии», исходящей из приоритета не размышляющей (как в «теоретической философии»), а действующей личности (Ее «практической философии. – И.Ш.» процесс есть действие; личность воплощает свое желание, свое чувство, свое понятие вне себя, в мир реального бытия» [там же: 484]).

Практическая философия исключает «скептическое начало» и освобождает личность «от всех вопросов о сущности ее» [там же: 485] (в чем, как замечает сам Лавров, совершается возврат к первому антропологическому принципу); она позволяет действовать, не рефлексируя по поводу объективного положения вещей. Так «критически мыслящая

¹¹ Задачи обоснования этого тезиса фактически определили эволюцию феноменологии Э. Гуссерля.

¹² Кареев на этот счет заметил, что, «в сущности, Лавров ...говорил то же самое, что спустя четверть века повторили Виндельбанд и Риккерт, указав на то, что науки о культуре отличаются от наук о природе отнесением изучаемых предметов к некоторым ценностям» [Кареев, 1996: 57–58]. Однако стоит заметить, что русская субъективная школа основывала свои построения не на принципе отнесения к ценности, а на нравственной оценке, в чем Лаппо-Данилевский видел ошибку данного направления (см.: [Малинов, 2016: 23]).

личность» превращается в героическую личность, ведущую во имя нравственных идеалов борьбу со злом, невзирая на возможность неминуемого поражения. «Знать сущность вещей невозможно... <Но> Допуская, что весь интеллектуальный мир наших стремлений к правде теоретической и практической есть не что иное, как мир иллюзий, ...мы ...все-таки в реальной жизни будем ставить себе цели и будем искать средства достигнуть их. ...для нас вопрос о "лучшем" и о прогрессе будет иметь всегда жизненное значение, какова ни была бы сущность вещей» [Лавров, 1965в: 252–253].

Отдавая приоритет практической философии, «Лавров ...перестает быть исследователем, а становится "проповедником" во имя этического идеала» [Зеньковский, 2001: 347].

Не случайно и у Лаврова (высоко ценившего «Систему позитивной политики» О. Конта, отвергнутую западной социологической мыслью), и у Михайловского отчетливо звучит аргументация в духе гражданской религии. Так, Лавров пишет о допустимости и желательности «элемента верования», который служит «постановке всех жизненных задач ...<и> ...согласию теоретического мирозерцания с практическим воплощением убеждения в жизнь» [Лавров, 1898: 108], а Михайловский – о «религиозной преданности идее», которая одна только и может послужить мотивом действия [Михайловский, 1881: 135–137]. Эти черты субъективной школы были подмечены ее критиками очень рано: исследователь творчества Михайловского С.П. Ранский писал о том, что у Михайловского происходит «превращение науки в религию», и этим «можно объяснить ...неопределенность в учении Н.К. Михайловского о субъективном методе» [Ранский, 1901: 117; 118], а Зеньковский характеризовал Лаврова и Михайловского как глубоко религиозных по своему психологическому складу личностей, с подлинно религиозной страстностью преданных этическому идеалу (см.: [Зеньковский, 2001: 341–342; 351]).

* * *

Русская субъективная школа иллюстрирует общую закономерность развития социальной мысли в ее движении от социально-философских учений к научно-социологическим построениям. В ней было больше этики и политики, нежели социологии, в силу чего некоторые критики вообще отказывали ей в научной значимости (см., например: [Кистяковский, 1902; Струве, 1997]). Эти оценки отчасти справедливы – если оценивать русскую социологическую школу в критериях научного дискурса. Вопрос в том, следует ли в данном случае прибегать к научным критериям. Русская субъективная школа представляет собой попытку осмысления социальных закономерностей не на уровне строгих логических моделей, но в широком, насыщенном импульсами реальной жизни контексте. Можно спорить о том, является ли это сильной или слабой стороной отечественной социальной мысли, но несомненно то, что это составляет ее оригинальную сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Босков А. От общественной мысли к социологической теории // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Инostr. лит-ра, 1961. С. 15–47.
- Буровой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–51.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
- Гофман А.Б. История социологии и история социальной мысли: общее и особенное // Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003.
- Гуревич Е.Б. Влияние протестантизма на раннюю американскую социологию // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 168–195.
- Давыдов Ю.Н. Исторический горизонт теоретической социологии // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2002. С. 7–27.
- Зборовский Г.Е. Социологическое и социальное знание: сравнительный анализ // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. XV Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 27–34.
- Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учеб. для вузов. Сургут и [др.]: РИО СурГПУ, 2014.

- Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академ. Проект, Раритет, 2001.
- Каменский А.Б. К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Мат. Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–139.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Иван Лимбах, 1996.
- Кистьяковский Б.А. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма. М.: МПО, 1902. С. 297–393.
- Лавров П.Л. (анонимно) До человека // Отечественные записки. 1870. № 1. С. 119–167; № 2. С. 543–562; № 3. С. 61–100.
- Лавров П.Л. (Арнольди С.С.) Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898.
- Лавров П.Л. (Арнольди С.С.) Цивилизация и дикие племена. СПб.: Коммерческая скоропечатня, Лиговская, 57, 1904.
- Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1965б. С. 576–634.
- Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965в. С. 6–295.
- Лавров П.Л. Что такое антропология // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1965а. С. 463–491.
- Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996.
- Логиновский С.С. Социальная мысль и социология: противоречивость или субординация? // Вестник Челябинского госуниверситета. 2014. № 11. С. 135–140.
- Малинов А.В. Русская социологическая школа в оценке А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3. С. 16–24.
- Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки и техники. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 11–28.
- Михайловский Н.К. Записки профана // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 3. СПб.: 1881.
- Михайловский Н.К. Что такое прогресс // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 4. СПб.: 1883. С. IX–XIV, 1–187.
- Публичная социология: круглый стол // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 4. С. 5–26.
- Ранский С.П. Социология Н.К. Михайловского. СПб., 1901.
- Струве П.Б. К характеристике нашего философского развития. По поводу книги С.П. Ранского «Социология Н.К. Михайловского» // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 177–189.
- Франк С.Л. Этика нигилизма // Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1910. С. 218–259.
- Шмерлина И.А. Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.Л. Лавров и Н.И. Кареев // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997.
- Hecker J.F. Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. New York: The Columbia University Press, 1915.

Статья поступила: 05.09.22. Финальная версия: 12.11.22. Принята к публикации: 20.12.22.

THE RUSSIAN SUBJECTIVE SCHOOL AS AN ALTERNATIVE MODE OF SOCIAL REFLECTION

SHMERLINA I.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina A. SHMERLINA, Cand. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).

Abstract. The article problematizes the attribution of the Russian subjective school in the versions of P.L. Lavrov and N.K. Mikhailovsky to the sociological tradition, in the strict sense of the word. The specific features of this school are determined not by cognitive, but by practical and transformative goals, related to the struggle for social justice and radical change of the existing system. We compare the Russian subjective school with the contemporary trend of public sociology, and show the similarities and distinctions between these traditions. According to the author, the Russian subjective school meets not only the characteristic features of public sociology, but also of critical (in the sense of M. Burawoy). The phenomenon of the Russian subjective school can be understood as a socio-ethical doctrine, which corresponds to the mainstream of social knowledge – from socio-philosophical constructions, emphasizing the moments of the proper and desirable, to actually scientific sociological concepts.

Keywords: Russian subjective school, P.L. Lavrov, N.K. Mikhailovsky, ethos of science, public sociology, critical sociology, socio-ethical doctrine.

REFERENCES

- Boskoff A. (1961) From social thought to sociological theory. In: Becker H., Boskoff A. (eds) *Modern sociological theory in continuity and change*. Moscow: Inostr. lit-ra: 15–47. (In Russ.)
- Burawoy M. (2008) For Public Sociology. In: *The Public Role of Sociology*. Moscow: OOO "Variant", TsSPGI: 8–51.
- Davydov Yu.N. (2002) The historical horizon of theoretical sociology. In: *History of theoretical sociology*. In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Canon+, OI "Rehabilitation": 7–27. (In Russ.)
- Frank S.L. (2010) Ethics of nihilism. In: Frank S.L. *Philosophy and life. Etudes and sketches on the philosophy of culture*. St. Petersburg: D.E. Zhukovsky, 1910: 218–259.
- Gofman A.B. (2003) The history of sociology and the history of social thought: general and special. In: Gofman A.B. *Classic and modern. Studies on the history and theory of sociology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Golosenko I.A., Kozlovskiy V.V. (1995) *The History of Russian sociology of the XIX–XX centuries*. Moscow: Onega. (In Russ.)
- Gurevich E.B. (1998) The influence of Protestantism on early American sociology. *Sociological Journal [Sotsiologicheskii Zhurnal]*. No. 1/2: 168–195. (In Russ.)
- Hecker J.F. (1915) *Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory*. New York: Columbia University Press.
- Kamensky A.B. (2011) On the Problems and Paradoxes of Studying the History of Russian Social Thought. In: *Public Thought in Russia: Origins, Evolution, Main Directions. Mat. of the intern. scientific conf. Moscow, October 28–29, 2010*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1996) *The foundations of Russian sociology*. St. Petersburg: Ivan Limbakh. (In Russ.)
- Kistyakovskiy B.A. (1902) The Russian Sociological School and the category of possibility in solving socio-ethical problems. In: *Problems of Idealism*. Moscow: 297–393. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (1965a) What the anthropology is. In: Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl: 463–491. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (1965b) Tasks of positivism and their solution In: Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl: 576–634. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (anonymously) (1870) Before the Man. *Otechestvennye zapiski [Domestic notes]*. No. 1: 119–167; No. 2: 543–562; No. 3: 61–100. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (Arnol'di S.S.) (1904) *Civilization and the savage tribes*. St. Petersburg: Kommercheskaya skoropechatnya publ. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (Arnol'di S.S.) (1898) *Tasks of understanding history. Draft introduction to the study of the evolution of human thought*. Moscow. (In Russ.)

- Lavrov P.L. Historical Letters (1965v). In: Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl: 6–295. (In Russ.)
- Levitskiy S.A. (1996) *Essays on the history of Russian philosophy*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Loginovskiy S.S. (2014) Social thought and sociology: contradictory or subordination? *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 11: 135–140. (In Russ.)
- Malinov A.V. (2016) Russian sociological school in the assessment of A.S. Lappo-Danilevsky. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. Vol. XIX. No. 3: 16–24. (In Russ.)
- Malinov A.V. (2017) *The sociological heritage of A.S. Lappo-Danilevsky: research and materials*. St. Petersburg: RHGA. (In Russ.)
- Medushevskiy A.N. (2015) *The History of Russian sociology*. Moscow-Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
- Mikhaylovskiy N.K. (1881) Notes of a layman. In: *Works of N.K. Mikhailovsky*. Vol. 3. St. Petersburg. (In Russ.)
- Mikhaylovskiy N.K. (1883) What the progress is. In: *Works of N.K. Mikhailovsky*. Vol. 4. St. Petersburg: ix–xiv, 1–187. (In Russ.)
- Mirskaya Ye.Z. (2005) R.K. Merton and the ethos of classical science. In: *Philosophy of science and technology*. Iss. 11: The ethos of science at the turn of the century. Moscow. (In Russ.)
- Public sociology: round work table (2007). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. Vol. X. No. 4: 5–26. (In Russ.)
- Ranskiy S.P. (1901) *The Sociology N.K. Mikhailovsky*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2018) The Social Life of Animals as Perceived by Russian Sociologists: P.L. Lavrov and N.I. Kareev. *Sotsiologicheskiy Zhurnal* [Sociological Journal]. 2018. Vol. 24. No. 3: 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997. (In Russ.)
- Struve P.B. (1997) On the characteristic of our philosophical development. About the book by S.P. Ransky "The Sociology of N.K. Mikhailovsky". In: Struve P.B. *Patriotica: Politics, culture, religion, socialism*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E. (2014) *The History of Sociology: a classic stage: a textbook for universities*. Surgut: RIO SurGPU. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E. (2012) Sociological and Social Knowledge: A Comparative Analysis. In: *Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience*. XV Intern. Conf. in Memory of Professor L.N. Kogan. Yekaterinburg: UrFU: 27–34. (In Russ.)
- Zen'kovskiy V.V. (2001) *The History of Russian Philosophy*. Moscow: Akadem. Proekt, Raritet. (In Russ.)

Received: 05.09.22. Final version: 12.11.22. Accepted: 20.12.22.